

ЗИНАИДА ГИППИУС

ЖУРНАЛЬНАЯ
БЕЛЛЕТРИСТИКА

Зинаида Николаевна Гиппиус

Журнальная беллетристика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26117627

Аннотация

«В начале года толстые журналы особенно заботливо относятся к своей беллетристике. Каждая январская книжка не прочь щегольнуть новой повестью старой знаменитости, началом обещающего романа. Это до сих пор так, хоть оно труднее, чем в былые годы: литература стала широка, цельна, более или менее единообразна, хорошие писатели равны друг другу, и равно им доступны все журналы. Сегодня Горький в «Современном Мире», завтра (а то и сегодня же) он в «Вестнике Европы» или в «Заветах»; где угодно можно встретить Андреева, где угодно Бориса Зайцева, Ал. Толстого и т. д. Каждый писатель, независимо от того, в какой из толстых журналов толкнул его сегодня случай, остается самим собою. Впрочем, и журнал остается самим собою, кто бы ни подвизался на первых его страницах: Горький или Тыркова, Клюев или Зайцев, Ал. Толстой или Шмелев, Пришвин или Гумилев...»

Зинаида Гиппиус

Журнальная беллетристика

В начале года толстые журналы особенно заботливо относятся к своей беллетристике. Каждая январская книжка не прочь щегольнуть новой повестью старой знаменитости, началом обещающего романа. Это до сих пор так, хоть оно труднее, чем в былые годы: литература стала широка, цельна, более или менее единообразна, хорошие писатели равны друг другу, и равно им доступны все журналы. Сегодня Горький в «Современном Мире», завтра (а то и сегодня же) он в «Вестнике Европы» или в «Заветах»; где угодно можно встретить Андреева, где угодно Бориса Зайцева, Ал. Толстого и т. д. Каждый писатель, независимо от того, в какой из толстых журналов толкнул его сегодня случай, остается самим собою. Впрочем, и журнал остается самим собою, кто бы ни подвизался на первых его страницах: Горький или Тыркова, Клюев или Зайцев, Ал. Толстой или Шмелев, Пришвин или Гумилев.

Кое-какой подбор беллетристики, неуловимый для неискушенного взора, есть однако. Лишь в «Русском Богатстве», этом, по-своему единственном, журнале, подбор слишком ясен. И – увы! – не к славе журнала.

Должен покаяться: я когда-то преувеличил заслугу «Русского Богатства» в отношении именно выбора беллетри-

стики, сурового и последовательного отметания «модерна», который везде равно беспозиционен, если не бессмыслен. Принцип-то верный, и раскрытые объятия всем «повествователям» без различий – вещь подозрительная... Но есть же мера. И я слишком люблю литературу, просто как таковую, чтобы не отметить с печалью антилитературность двух первых книжек «Русского Богатства» за текущий год.

Нет в них живого места. Кнут Гамсун? Но Кнут Гамсун всегда только Кнут Гамсун, и не так уж он потрясающе прекрасен, чтобы из-за него простить «Метеор» Скитальца или крюковскую «Неопалимую купину», или даже рассказ Кондурушкина (в особенности этот последний). В повести Скитальца, растянувшейся на две книжки, есть все, что угодно: и знаменитые писатели, и рабочие, и тюрьмы, и все это до последних пределов фальшиво, до последней грусти уродливо и в конце концов – бессмысленно. Другого стиля бездарность Крюкова. У этого присяжного «беллетриста» «Русского Богатства» бездарность, главным образом, беллетристическая: чем меньше он претендует на «искусство», чем дальше от «повести», тем он милее, проще, тем значительнее небольшие, но всегда верные мысли его очерков. И тогда я его даже люблю... на страницах «Русского Богатства». В «Неопалимой купине» Крюков – увы! – слишком принялся «рисовать» своего учителя гимназии; и вышло худо.

Но Кондурушкин все-таки хуже. Третий стиль дурной беллетристики, в «Русском Богатстве» совершенно ничем

не оправдываемый. Представьте себе типичное «описательство», типичный модерн с «черточками», со «штрихами», со «звуками природы», без сюжета, без мысли, без действия, и... без признака художественности, без оригинальности, репортерским, газетным языком приготовленное.

Как же тут не опечалиться? И чем соблазнилось «Русское Богатство»? Или оно вовсе не сознательно отбрасывает «модерн», а и «хочет, да не может»? Потому что уж коли модерн, так первого сорта; Кондурушкин даже не второго, даже не третьего, а просто никакого сорта, хотя и «модерн».

Вот образец первого сорта: в январской книжке «Заветов» произведение... вы думаете, я скажу Ал. Толстого? Нет, нет, его драма «Насильники», хотя и не может быть названа бездарной (небездарен писатель) – вещь все-таки слабая, спутанная, скучная и натянутая. Бог ее знает, как она вышла бы на сцене, но и тут сомневаюсь: уж через меру она неумна и местами напряженно-водевилиста.

Нет, образец модерна – рассказ Шмелева «Поденка» в той же книжке «Заветов».

Можно сказать, выписался человек, достиг! Это уже не скромный беллетрист из «Знания», это и не Шмелев, автор хорошей, настоящей повести (тоже, однако, родственной, и приятно родственной, «Знанию») – «Человек из ресторана», – нет это самый типичнейший модернист, писатель-описатель со всеми достоинствами и со всеми недостатками. Какой неожиданный рост и, главное, почти чудесное

превращение!

«Поденка» – собственно ни при чем в рассказе. Так, красивый штрих, красивый жест природы, пожалуй, чуть аллегоричный, по в первую голову красивый и красиво описанный. Сюжет рассказа в том, что живет студент-репетитор летом в купеческой, звероподобной семье, живет, живет... ну, и больше ничего, и остается жить. Сначала ужинают, потом ложатся спать, потом встают, потом обедают, потом пьет чай, потом пьют вино... В промежутках студент купается. Может быть, порядок дня не тот, я уж забыл, по ведь это не важно. Не забыл я, что с первой строки, с ужина, сразу начинаешь видеть каждого купеческого «зверя», почти слышать, как жует старуха, хозяйка, понимать, что она непременно обожрется. Видим мы с кинематографической ясностью и сыновей ее, приехавших пожрать в праздник, и параличную тушу хозяина в кресле, в знойном саду под деревьями, и пышную, жадную, красивую невестку... Не прелесть ли кучер, когда он купается на речной отмели со студентом? Не прелесть ли эти свиньи – пьяные сыновья? И дочь – «Мунька-телупька»? Воздух горячий переливается, закатывается солнце, какие-то мысли тянутся у студента... Ну, это, пожалуй, и послабее, можно бы и без этого; впрочем, пусть себе идут, как полуденные облака, или речные всплески, или несвязные речи пьяного коммерсанта... Дело художника сделано. Он подслушал, подглядел – и передал нам, как трубка самого лучшего, самого дорогого граммофона. Я знаю, что та-

ких граммофонов нет и нельзя такого выдумать, а все-таки... все-таки художественное «описание» – в какой-то мере «граммофопизм». Чем неоспорнее, ярче, талантливее художник, тем настойчивее требуешь от него еще чего-то... чего как раз и не дает современный повествователь. Может быть, такое умение, такие краски не даром приобретаются? Может быть, за каждую вот такую «художническую» черту, строку мы должны платить кусочком человеческой души?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.